

СЮЙ НА
(г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины)

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА

В статье на широком фактологическом материале показана роль мифопоэтического сознания в прозе. Анализируются основные произведения В. Распутина, русского писателя, в сопоставлении с основными тенденциями развития китайской литературы.

В русской культуре сильны традиции язычества. В ходе длительного процесса познания мира у русского народа постепенно сформировалось многобожие с уникальными национальными особенностями. Чжао Ян отметил, что «между небом и землей, помимо людей, есть много богов, которые господствуют над всем, например, бог грома, бог неба, бог огня, бог солнца, бог семьи и т. д.» [1, с. 96]. После принятия христианства влияние многобожия на Руси не исчезло. Вместе с православием оно прошло более чем тысячелетнюю историю в процессе формирования национальной веры. Чжэн Сяофан отметил, что «славянские племена верили в многобожие. Они считали, что все явления в природе являются результатом деятельности богов. Боги были вездесущими, и все явления природы считались богами и им поклонялись» [2, с. 64].

Являясь важной частью русской культуры, язычество, с одной стороны, олицетворяет собой простоту сознания древнего человека и гармоничные отношения человека с природой. С другой стороны, в основе этой древней религиозной концепции лежит вера в то, что люди представляют все явления природы в виде различных «мифов».

В. Распутин осознавал двойственность верований русского человека. Он писал, что язычество «было и долго держалось рядом с православием. «Быть может, между человеком и Богом стоит природа. И пока не соеди니шься с нею, не двинешься дальше. Она не пустит. А без её пригласительного участия и препровождения душа не придёт под сень, которой она домогается» [3, с. 88]. Поэтому постижение природы посредством обращения к мифологии стало универсальной чертой русской литературы для отражения взаимоотношений человека и природы и экологических проблем.

Чжао Ян отмечает, что «общая художественная черта русской экологической литературы заключается в том, что она неразрывно связана с философией религии, которая может иметь дисциплинарное или искупительное значение для “антропоцентристов” в эпоху экологического кризиса» [1, с. 96]. Так, в «Прощании с Матёрой» привязанность Дарьи к острову олицетворяет религиозное благочестие. Она рассматривает все на острове как священный порядок, и сопротивление героини влиянию индустриализации отражает ее приверженность традиционным ценностям и стремлении встать на их защиту. Образ Дарьи отражает восхваление В. Распутиным мифопоэтического духа России и его беспокойство по поводу утраты традиционных ценностей под воздействием нравов современного общества.

В повести «Прощание с Матёрой» В. Распутин воплощает языческую идею величия и божественности природы. Чтобы построить гидроэлектростанцию, необходимо очистить Матёру, и люди сожгли все деревья на острове. Только тысячелетний «Царский листвень» невозможно срубить или сжечь. Он «так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми» [4, с. 317]. Легенда гласит, что именно этот «царский листвень» прикрепил остров Матёру ко дну реки, и поэтому жители деревни в давние времена поклонялись ему как божеству.

Чжао Ян пишет: «Распутин выражает в своих произведениях не только сильное местное сознание, но и глубокое историческое и культурное сознание, а также сопротивление современной индустриальной цивилизации. Поэтому нетрудно понять, что в творчестве писателя, будь то

цветы, деревья, птицы, звери, насекомые и рыбы, они духовны. Они, кажется, общаются с Богом и обладают необъяснимыми таинственными силами, поэтому они должны ценить и бояться людьми» [1, с. 96]. Очевидно, что «Царский листвень» символизирует силу природы, а также глубоко укоренившуюся иррациональность и естественность жизни сельчан. Этим образом писатель также предупреждает людей, насколько нелепо цепляться за идею того, что человек может победить природу. Культ поклонения предкам и природным божкам имеет достаточно важное значение и обязательный статус в русской политеистической мифологии, которая оказывает влияние на людей даже в XX веке. Этот вид мифологии тесно связан с представлениями древних русских о происхождении мира, о загробной жизни и смерти, с культом предков.

В «Прощании с Матёрой» герои часто принимают на себя вину других. Дарья считает: «И о детях своих, уложенных раньше себя, он [муж Мирон. – С. Н.] страдает потому лишь, что чувствует свою вину: он обязан был беречь их и не сберег» [4, с. 287]. Поскольку Матёра исчезает на ее глазах, Дарья также чувствует свою безмерную вину перед предками: «Ей представилось, как потом, когда она сойдет отсюда в свой род, соберется на суд много-много людей – там будут и отец с матерью, и деды, и прадеды – все, кто прошел свой черед до нее. Ей казалось, что она хорошо видит их, стоящих огромным, клином расходящимся строем, которому нет конца, – все с угрюмыми, строгими и вопрошающими лицами. А на острие этого многовекового клина, чуть отступив, чтобы лучше ее было видно, лицом к нему одна она. Она слышит голоса и понимает, о чем они, хоть слова звучат и неразборчиво, но самой ей сказать в ответ нечего. В растерянности, в тревоге и страхе смотрит она на отца с матерью, стоящих прямо перед ней, думая, что они помогут, вступятся за нее перед всеми остальными, но они виновато молчат» [4, с. 314–315]. Как благочестивая православная христианка, Дарья четко осознает, что её ждет Последний Суд в том мире, и неодолимое чувство вины смешивается с ужасом о том, что предстоящее ей судилище у предков и Бога поднимает в ее душе волны тревоги.

В. Распутин, показывая религиозное сознание персонажей, раскрывает духовную дилемму русского народа, его колебание между христианством и язычеством. Например, изменение отношения Пашуты к религии в рассказе «В ту же землю» отражает острую потребность русского народа в поиске новой духовной опоры после утраты своей изначальной системы верований.

Китайская критика отмечает, что мифологическое сознание В. Распутина ярко выступает и в публицистике. Так, в книге очерков «Сибирь, Сибирь...» автор опирается на поэтику мифа. Как уже говорилось выше, языческие элементы не конфликтуют с православной верой писателя, который ясно осознаёт их разное значение и роль в народной культуре: «Русский человек в божествах запаслив: христианство – для спасения души, а старая вера – в поводу для поддержания живота («живот», кстати, у русскоустыинцев не потерял значения «жизни»). Тут, у бога на куличках, и тем более одной веры считалось недостаточно, да и недосуг Христу опускаться до плавника или линного гуся, Христос как бы оберегался индигиришками от подобных мелочей...» [3, с. 243].

Сплаваясь по дикой пойме Лены, он осознаёт себя частью природы и одновременно с удивлением понимает, что такое мировоззрение значительно ближе к древнему язычеству: «Отойди я сейчас в лес и заговори среди деревьев, обращаясь к ним, я и сам себе покажусь странным и застыжусь себя. Хотя странность моя или сторонность от нужного дела в том, быть может, как раз и заключается, что я, обязанный ему, не решаюсь высказать благодарность для своего же одушевления. Язычество?» [3, с. 306].

Тайга представляется В. Распутину мистической силой. Писатель подчеркивает связь между гармоничным существованием человека и природы и распространением языческих верований. Ван Лидань отмечает, что «явные элементы язычества В. Распутин заметил в древнейшем селении Русское Устье. Здесь, например, шустрые дети называются облачными. <...> В подтверждение такого необычного определения писатель обращается к “Поэтическим воззрениям славян на природу” (1865) А. Н. Афанасьева. Здесь же при рождении ребенка давалось два имени, одно из которых защищало от «порчи». Оно могло быть и собачьей кличкой» [5, с. 50–51].

Ван Лидань подробно останавливается на верованиях русского народа, связанных с жизнью и смертью – на поверье, что душа усопшего возвращается в тело новорождённого. Древние язычники оставляли отверстие в крышке гроба, чтобы обеспечить беспрепятственное переселение души. Если умерший был плохим человеком, то, наоборот, забивали в могилу осиновый кол. «В формах архаического мифа скрыты народная этика, мораль и нормы жизни. В. Распутин сознательно обращается к мифам и легендам, которые для него первоисточник вечной жизни» [5, с. 51], – подчеркивает Ван Лидань.

Мифологическим пространством в очерках В. Распутина является и водная стихия, перед которой он испытывает языческое поклонение. Главный водный объект – озеро Байкал – писатель восхищённо описывает следующим образом: «Байкал случайно обронен с какой-то другой планеты, более радостной и богатой, где с тамошним жителем он был в полном согласии» [3, с. 34]. При этом могущество и «святость», Байкала, овеянного древними мифами, преданиями и легендами, проступает и в замечании писателя о том, что нельзя называть это «святое море» озером, чтобы не вызвать ярость богов.

В духе анимизма у В. Распутина все природные явления и даже обычные вещи персонажируются, наделяются душой, воспринимаются как живые существа. Вот так, к примеру, описывается обычный топор: «<...> знающий от хозяина обиход и ласку по руке, речистый и ловкий в руке, сам собой заводящий в работу, в дело, предлагающий ритм, решительный и осторожный, любящий, поработав, понежиться, ведя стружку в мягкой древесине, обласкать руку и успокоить сердце...» [3, с. 304]. Акцент писателя на языческом восприятии мира помогает донести, по мнению Ван Лидань, «экологические идеи писателя и показывает, что В. Распутина доступны и пронзительный критический дух публициста, и логика естественного первобытного мышления» [5, с. 51].

С религиозной точки зрения, произведения В. Распутина дают глубокое понимание и возможное решение описанной выше духовной дилеммы русского народа в период социальных перемен, что имеет важное практическое значение и культурную ценность. Возвращение мифопоэтической культуры заключается в следовании русскому национальному духу и национальным культурным традициям, «в переосмыслении культурного наследия России и стремлении “вернуться” к славянству, символизму и религиозной философии, а также создать теоретическую и идеологическую систему, способную конкурировать с влиянием сегодняшней западной культуры» [6, с. 56], – указывают Чжан Цзе и Гуань Юэ.

Список литературы

1 赵杨. 当代俄罗斯生态文学中的宗教哲学因素 – 以拉斯普京、阿斯塔菲耶夫、艾特玛托夫作品为例 / 赵杨 // 文学研究. – 2021. – Vol. 7, № 2. – P. 95–102. = Чжао Ян. Религиозные философские факторы в современной русской экологической литературе – на примере произведений В. Распутина, В. Астафьева и Ч. Айтматова / Чжао Ян // Литературные исследования. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 95–102.

2 郑小芳. 俄罗斯文学传统中女性崇拜的宗教文化渊源 / 郑小芳 // 文学教育. – 2018. – №4. – P. 64–65. = Чжэн Сяофан. Религиозные и культурные истоки женского культа в русской литературной традиции / Чжэн Сяофан // Литературное образование. – 2018. – № 4. – С. 64–65.

3 Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. / В. Распутин. – М. : ВЕЧЕ-АСТ, 1994. – Т. 3 : Сибирь, Сибирь.... Очерки. Публицистика. – 496 с.

4 Распутин, В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. / В. Распутин. – М. : ВЕЧЕ-АСТ, 1994. – Т. 2 : Последний срок. Прощание с Матёрой. Пожар. – 416 с.

5 Ван Лидань. Поэтика повествования в книге очерков В. Распутина «Сибирь, Сибирь» / Ван Лидань // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2022. – № 1. – С. 47–56.

6 张杰. “万物统一”的美学探索 / 张杰, 管月娥. – 北京 : 中国华侨出版社, 2023. – 374 p. = Чжан Цзе. Эстетическое исследование «Единства всех вещей» / Чжан Цзе, Гуань Юэ. – Пекин : Китайское издательство для китайских диаспор, 2023. – 374 с.

УДК 821.161.1-312.2*Н.В.Веселовская

СЮЙ НА
(г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье типологически сравнивается использование религиозных элементов в китайской и русской прозе, подчёркивается общее и специфическое в мировоззрении народов.

На протяжении долгой истории мировой литературы религия и литература всегда были тесно связаны. Религия является источником духовных и культурных коннотаций для литературного творчества, а искусство слова становится важным средством распространения и интерпретации религиозных идей. Конфуцианство, буддизм и даосизм – три основные идеологические системы традиционной китайской культуры. Религиозное сознание в произведениях В. Распутина и религиозные элементы в китайской литературе несут в себе уникальные культурные гены России и Китая соответственно. Их глубокое сравнительное изучение может открыть новые пути для литературных исследований.

Конфуцианство уделяет особое внимание образованию, самосовершенствованию и семейной этике, а также подчеркивает такие ценности, как доброжелательность, вежливость, праведность, преданность и сыновняя почтительность. Буддизм проповедует сострадание и мудрость, а также духовную практику человека и заботу обо всех живых существах. Даосизм ставит на первый план природу и созерцание, а также призывает выйти за рамки мирского мира и стремиться к самосовершенствованию. В ходе длительного развития китайской литературы идеи конфуцианства, буддизма и даосизма смешались друг с другом, сформировав уникальный литературный стиль. Эти религии взаимодействовали и интегрировались друг с другом в истории Китая, формируя богатые и разнообразные культурные традиции и народные верования.

Конфуцианство придаёт особое внимание доброжелательности, пристойности и умеренности, что находит отражение в литературе в акценте на семейных и родовых чувствах, а также на этике и морали. Например, стихи древнекитайского поэта Ду Фу целиком пронизаны конфуцианскими идеалами:

Я семьи не забыл,
Но и к смерти готов,
Если долг мой и родина
Это велят [1].

Его забота о судьбе страны и сочувствие страданиям народа воплощают конфуцианский дух активного участия в жизни мира и принесения ему пользы.

Проникновение конфуцианства в китайскую литературу сформировало образ многих литераторов, воспринимающих мир через свою ответственность за него, и стало важной духовной нитью китайской литературы. Ответственность у Распутина. Такие понятия буддийской мысли, как «пустота», «причина и следствие» и «нирвана», привносят в литературное творчество эфирную и трансцендентную художественную концепцию и размышления о страданиях человечества. Пейзажные стихотворения Ван Вэй создают тихую и неземную атмосферу «дзэн» и выражают понимание поэтом непостоянства жизни: